

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЖЕЛТЫЕ РОЗЫ
ДЛЯ АКТРИСЫ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Ферез*

Соболева, Лариса Павловна.

С54 Желтые розы для актрисы : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Детектив по новым правилам).

ISBN 978-5-17-107965-9

Саша — актриса небольшого провинциального театра. Многие коллеги завидуют ее успехам на сцене, но для Саши это мелочи — она любит свою работу и в целом очень довольна жизнью.

Однажды у Саши появляется тайный поклонник, который регулярно присылает ей в подарок желтые розы. Не сразу замечает Саша, что цветы в букетах перевязаны траурной лентой, не сразу понимает, что это нехороший знак... И то, что казалось лишь странными ее воздыхателя, превращается в страшный сон наяву.

Ей страшно находиться в театре, играть на сцене, ходить по улицам — отовсюду может прийти смерть. Саша пытается выяснить, кто присылает букеты, но тщетно. А что, если тот, кто желает ей зла, — человек из недалекого прошлого? Саша вспоминает о непростой ситуации, в которой когда-то находилась, и понимает, что отголоски тех событий могут привести ее прямо в руки убийце.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107965-9

© Л. Соболева

© ООО «Издательство «АСТ», 2018

1

Она угодила прямо на декоративный кустарник, изрядно его помяв. Лежала ничком, свесив руки и голову вниз, а коленями опираясь на заасфальтированную дорожку вдоль дома. Со стороны выглядело так, будто даме стало плохо, может быть, ее мутило, поэтому она стала на колени и вдруг упала грудью на куст. Возможно, пьяна... Только дама не подавала признаков жизни. Никаких. Но это еще ничего не значит...

— *Она без сознания? — с робкой надеждой спросила Саша.*

Он подошел к несчастной, протянул руку к шее, чтобы узнать по пульсу — есть ли жизнь в этом теле, но тут же отдернул ее, не дотронувшись:

— *Ограда самодельная, грубо собранная... Она упала точно на прутья... Посмотри, они проткнули ее насквозь... Нет, лучше не смотри. Да и вообще, с такой высоты... шанса у нее не было ни одного и без прутьев.*

Теперь и Саша заметила два черных пятна на спине, это, конечно, кровавые пятна. Она запрокинула голову и посмотрела на стену многоэтажки, уходящую далеко вверх, в темноту, невольно ахнула:

— *Как ты увидел ее оттуда? Высоко и темно...*

— *Желтый халат... и фонарь... Она буквально свети-лась внизу...*

— Боярова, на сцену! Боярова! Прогон начался, а тебя нет!

Задумавшаяся Саша вздрогнула, услышав по трансляции глухой голос помощника режиссера, или помощницы — кому как нравится. Люся не просто командует, когда следует дать занавес и свет, когда выходить артистам, она по совместительству жена одного из ведущих актеров и центральная бульварная газета — все знает обо всех, даже то, чего никогда не было.

Времени до выхода минут пять, это как минимум, но Люся вечно паникует. Чтобы не злить ее, Саша суетливо подскочила со стула, потом все же задержалась и бросила последний взгляд в зеркало. Грим, конечно, преображает, особенно сценический, но лицо в зеркале и умытое — лучше редко найдешь (так многие уверяют), а в гриме... Саша осталась довольна, да, довольна! А что в этом особенного? Разве есть женщины, которые не нравятся себе? Наверняка нет таких, просто вслух они говорят обратное.

Правда, если по отдельности рассматривать черты — ничего выдающегося, кроме глаз, это яркое пятно на лице, они у нее необычные, очень светлые, при этом цвет васильковый, но прозрачный и чистый. А разрез, величина — обычные. Трудновато описать. Что там еще по отдельности? Рот. Он большой, и, наверное, поэтому выделяются губы, а нос... прямой, немного великоват, немного широковат — нос совсем непривлекательный, жаль. Лоб высокий, но подбородок короткий, из-за рта, надо полагать. Волосы густые, прямые, цвета горького шоколада. Нет, серьезно: по отдельности описать — получается уродина, а смотришь на все вместе — краса ненаглядная!

Однажды вышел курьез: Саша звонила в один из театров по поводу устройства на работу, попала на оче-

редного режиссера (в театрах есть главный режиссер и парочка очередных), он попросил ее описать свою внешность для начала. И Саша, глядя в зеркало, с упоением рассказала, но...

— Острохарактерных актрис у нас полно, — услышала в трубке. — Нам нужна красивая и молодая, амплуа — героиня. До свидания.

— Вы неправильно меня поняли, я могу прислать фо...

Фотографии! — не успела произнести, он отключился от связи. Саша извлекла ценный урок: надо сразу говорить, мол, сейчас вышлю портфолио с несравненными фотографиями, вы сами увидите мой прекрасный облик и упадете от восторга. Вот так надо делать себе рекламу.

— Ой! — вспомнила она, что скоро ее выход, подхватив тяжелые юбки королевского наряда, ринулась бегом из гримерки на сцену.

Пять-шесть минут сейчас необходимы, чтобы послушать тональность спектакля, войти в него органично, не повредив атмосферы, и балдеть, играя... Нет! Проживая чужую жизнь, как свою собственную.

Вот она — сцена, присущий только ей запах и тайна, когда все, что здесь происходит, воспринимается магией. Саша присела на краешек бутафорского кресла у самой кулисы и ждала реплики, вслушиваясь в мелодику голосов. Генеральный прогон (первый, между прочим) все равно что спектакль, однако разница есть: отсутствует зритель и волнение. Но это все впереди, через два дня, а сейчас... пора!

Саша поднялась с кресла, готовясь к выходу... Только сначала нужно взобраться по хлипкой лестнице на такое же хлипкое сооружение, чтобы эффектно спуститься на сцену, словно с небес. Саша выпрямила спину, вы-

тянула и без того длинную шею, приподняла подбородок... Затылок уперся в стоячий кружевной воротник невероятных размеров. Жутко неудобная деталь: жесткая проволока, на которой держится накрахмаленная до бетонной жесткости конструкция, врезается в плечи и шею. Голову свободно не повернешь, а если повернешь — обзор закрывает боковая часть воротника. Вдобавок не проходило ощущение, что вся эта крахмальная жесть свалится с плеч — костюмы выдали сегодня, Саша не привыкла к ним, собственно, привыкать уже времени нет. Интересно, как сама Мария Стюарт таскала этот кошмар? Впрочем, ее одевали и обували, раздевали и разували, она же была королевой, ей всего лишь нужно было красиво ходить. А Сашке нужно еще играть, самой раздеваться, если костюмеры заболтались в курилке, и...

— Стоп! — как ошпаренный кипятком, завопил в зрительном зале режиссер. — Девочки! Вы же не на рынке встретились и сплетничаете! Вы, извиняюсь, светские львицы при дворе Франциска II. Вы злословите!

— А какая разница? — обиженно пожал плечиками молодая актриса из вспомогательного состава, играющая Даму (да, просто Даму, без имени).

— Большая! — свирепо прорычал режиссер, взбега по ступенькам на сцену на смешных коротеньких ножках. — Огромная! Это же Франция, девочки! Шестнадцатый век, родненькие! А Франция уже тогда была законодательницей мод, изысканных манер, искусств и всего, что связано с любовью! Вы должны передать эпоху...

— У нас было мало репетиций, — оправдалась вторая Дама (постарше, по имени Лада), сидевшая на эпизодах лет двадцать, оттого злющая, словно ведьма. Ну, тут дело известное: каждая артистка видит себя только в главных ролях, даже в мужских.

— Репетиций! — взвыл режиссер, взмахнув коротенькими руками. — Но у вас и эпизод пятиминутный! Это же просто: легко, изящно болтать! Не красьте текст!

Казалось, Геннадий Петрович, имеющий большое сходство с мячиком, растерзает двух актрисулеч, заваливающих начало спектакля. За круглую фигуру ему дали кличку — Пинг-Понг, а перед премьерой он становился свирепым, как... мультяшный персонаж, в эти периоды его звали иронично: крокодилем Генной, он больше смешил, чем пугал. В общем-то, клички беззлобные, как и сам Геннадий Петрович, положивший на эту сцену лет тридцать своей жизни. В театре всегда есть недовольные, но при всем при том он снискал уважение даже у заядлых циников, потому что справедлив, честен (да, и такой феномен еще встречается на подмостках), заразителен в своем фанатизме и главное — одарен. Благодаря ему этот небольшой театр с непрестижным статусом «городской» (значит, заурядный) выжил, когда бедствие терпели, потонув в омуте рыночной экономики спесивые коллеги из «незаурядных». Сейчас он был вне себя, его кудрявые волосики тоже возмутились — торчали в разные стороны, а может, он просто забыл расчесаться.

— Учитесь пользоваться языком! Язык — это ваш инструмент, вы обязаны слышать, чувствовать и понимать слова! Мысль рождает интонацию, понимаете? Мысль! Которую не надо окрашивать, а вы красите, отсюда бессмыслица. Русский язык ассоциативный, он передает нюансы, рисует образ, все это зритель легко считывает! «Сплетничать» и «злословить», девочки, глаголы разные! Сплетничать — это грубо, грязно перемывать кости, не стесняясь в выражениях. А злословить — это с присущим снобам высокомерным юмором излагать свое видение ситуации.

— По-моему, это одно и то... — не договорило молодое дарование.

— О-о!.. — застонал главреж, схватившись за голову и заходяв вокруг девиц, считающих себя актрисами, несмотря на отсутствие образования у обеих.

— О-о... — вторил ему Иннокентий, только очень тихо. — Это надолго.

Взявшись за кончики воротника пальчиками, Саша повернулась к нему и не смогла сдержать смешка. Молодой человек, представившийся Иноком (он сократил свое имя), стоял вплотную, скрестив на груди руки. Глядя исключительно на сцену, Иннокентий жмурился, втянув голову в плечи, когда режиссер вопил; через паузу безумно тарачился, когда крокодил Гена неистово тряс руками, а потом морщился, закусив губу и слушая глупенькие оправдания актрис. Талант комика пропадает!

Но он не актер, хотя внешность у Инока подходящая для классического героя в отличие от здешних «первых скрипок». К сожалению, в труппе не на ком глаз остановить из мужского состава, а у Инока — рост, плечи, мышцы, фейс кареглазый с резко очерченными брутальными скулами, и шея брутальная, во всяком случае, шея шире головы. Может, в такой маленькой голове и мозгов кот наплакал? Поэтому и попал Инок в храм Мельпомены монтировщиком декораций — совсем непрестижная профессия, она для тех, у кого с серым веществом напряженка, а с мышцами порядок. Но если без отступлений, то залетел он сюда недавно и случайно, как сам уверял, значит, не собирается задерживаться.

А Саша? Давно ли она сама в этом городе, в этом театре? Разве не случайно очутилась здесь? Однако повезло ей гораздо больше, чем Инноку, Саша актриса, играет главные роли, о которых можно мечтать, ей снимают и оплачивают жильё. Кстати, о ролях: играть Марию

Стюарт в двадцать семь лет... вот бы однокурсницы обзавидовались, если б узнали, но не узнают.

— Где Боярова? — послышалось грозное шипение помрежа Люси, прибежавшей с противоположного конца сцены, там у нее пульт, при помощи которого она управляет спектаклем. — Где, блин, Мария Стюарт? Я же вызывала ее! Смотрю — нет! В этом театре собрались одни глухие!

— Здесь, здесь, — отступил Иннокентий, открывая обзор на Сашу, ибо увидеть актрису в темноте (освещена только сцена) и в темно-зеленом платье сложно.

— Я готова, — тихо подала голос та.

— Слава богу, — потирая лоб, будто дико устала, выдохнула Люся. — Да, Саня! Не спорь с главнюком, он сегодня немножко психованный...

— Слышу, — улыбнулась Саша. — Нервничает перед премьерой. Между прочим, я с ним никогда не спорю.

А чего спорить, если мировоззрение, взгляды, видение совпадают? Со сцены свет падал на Люсю, высвечивая частями верх головы, нос и подбородок, плечи, грудь — эта часть заслуживает оды, но речь не о ней. Остальные части остались черными провалами, так что в темном закулисье она представляла собой ирреальное создание. М-да, постороннего человека напугала бы точно. Эта маленькая женщина с большими амбициями и большой грудью о чем-то раздумывала, глядя на Сашу, наконец выдала, что ее беспокоило:

— Хочу предупредить... Королева Елизавета приняла... м... допинг... Но ты с ней все равно не сталкиваешься на сцене, главное, за кулисами не столкнись, а то хрен знает, что за настроение у нее после недопития.

Ого, дело принимало опасный поворот. Зеленый змей сопровождает сорокатрехлетнюю примадонну данного театра давно, но ей-то удовольствие он при-

носит, остальным портит нервную систему. И сильно портит. Были моменты, когда она лыка не вязала во время спектакля, лишь передвигалась на мизансцены. А текст за нее успешно рассказывали партнеры, тогда как за кулисами все поголовно покатывались от хохота. Неужели опять? За два дня до премьеры ушла в запой? Очень не смешно.

— Пьяная, что ли? — расстроилась Саша.

— Не совсем, чуть-чуть! — почти с ужасом прошипела Люся, погрозив пальцем Саше, словно от той зависело — доживет коллега до конца спектакля в более-менее трезвом состоянии или спечется.

— Вы же знаете, ей стоит только начать...

— Не-не, я выкрала бутылку водки, — шепотом призналась Люся. — Там немножко отпито, короче, она вменяемая. Не попрется же мадам Оленева в королевском наряде за пойлом!

— Вам видней... — с сомнением произнесла Саша.

Ближайший продуктовый магазин, где можно отовариться сорокаградусной «амброзией», присоседился как раз рядышком с театром, покупатели давно привыкли к странным личностям в гримах и костюмах. Но артисты не злоупотребляют набегами на точку, нет-нет, только в крайних случаях, хотя для Оленевой всегда случай крайний. Понимая, что тревожит Сашу, Люся развеяла ее небеспочвенные сомнения:

— Не бойся, я приказала закрыть все двери, ей не выйти из театра до конца спектакля. Ой, Сашка, тебе на выход!

Действительно, с третьего раза спектакль пошел без остановок режиссером, зазвучали фанфары, а это сигнал Саше. Она кинулась к закулисной лестнице и через минуту степенно спускалась на сцену под крики:

— Королева идет!..

У стены ресторана, раскинув руки, лежала Катрин, раскинув руки. Лицо повернуто в сторону, глаза нереально широко распахнуты, они бессмысленно смотрели куда-то, где жизни нет. Пшеничные волосы, шелковые и мягкие, расплзлись длинными прядями по груди, шее, змеились на асфальте... Камень! Большой и бесформенный. Он лежал рядом с головой, тонкая прядь зацепилась за него, а на одном из выступов — темные пятна... пятна крови... Откуда взялся здесь камень? Из декоративного бордюра рядом с асфальтовой дорожкой вдоль стены.

Но с Катрин произошла метаморфоза: ей уже не дала бы Саша тридцати пяти лет, на асфальте она видела женщину, которой минимум пятьдесят, в вечернем коралловом платье, облепившем ее немолодое, но стройное тело...

— Черт!

Саша таращила глаза по сторонам... Потолок... Окно... Комод... И утро! Она рассмеялась, так как поняла: мгновение, увиденное ею в момент просыпания, ничего не имеет общего с реальностью, это просто картинка из полусна.

Просыпаться с ощущением покоя и в предвкушении блаженства от предстоящих репетиций, а также завтрашней премьеры, это... это неопишуемое состояние. Странно, что у Саши была другая жизнь, которая как бы отодвинулась далеко, но все еще с ней, именно по утрам та жизнь регулярно вспоминалась. Только по утрам, позже дурным воспоминаниям нет места в светлом дне, а нет потому, что работа — праздник. Разве что иногда, во время пауз...

Наспех позавтракав бутербродами с чаем, Саша вышла за порог флигеля. Ей сняли симпатичный фли-

гелек из двух маленьких комнат со всеми удобствами и крошечной кухоньки — потрясающие хоромы, и это без иронии. Пожилые хозяева живут в большом доме, из которого дети вылетели в другие города необъятной России, а флигель сдали за символическую плату, чтобы хоть кто-то был рядом. В данную минуту они орудовали граблями в саду, хотя сельхозинструмент в их руках нечто аномальное, оба стопроцентные интеллигенты, но те, про которых снимали старые добрые фильмы.

— Доброе утро, Сашуля! — помахал Игорь Степанович.

— Доброе утро, — отозвалась она, закрывая на ключ дверь.

— Сашенька, вы так поздно приходите, — поспешила к ней Валерия Олеговна. — И наверняка голодная. Разрешите мне оставлять вам ужин?

— Нет-нет, — запротестовала Саша. — Я вполне справляюсь.

— Да когда же вам готовить еду? Мне нетрудно, я все равно стою у плиты, и вы не упадете в голодный обморок на сцене. Не спорьте, не спорьте. Мы очень ждем премьеры.

— Я тоже. И ужасно волнуюсь.

Саша положила ключ на перекладину под навесом, помахала милым старикам и отправилась на свой праздник! Это когда хмурые попугачики в маршрутке видятся потрясающе обаятельными, а погода всегда кажется самой лучшей — хоть дождь, хоть метель. Это когда не идешь, а переступаешь по воздуху, когда страстно хочется поскорей добраться до театра, войти в гримерку, сесть за столик и на минутку отключиться, чтобы с новыми силами присоединиться к таинству. Миллионы людей не знают, что это такое — с огромным желанием бежать на работу, а потом упиваться каждым часом там. Этот

праздник компенсирует все потери, подпитывает надежду, что настоящее защитит от потрясений прошлого, а будущее залечит.

На вахте она расписалась в журнале, по которому завтруппой определяет, кто явился на работу, а кого пора искать с ищейками, и успела отойти от стола, но вахтерша окликнула ее:

— Саша, стой! Тут тебе... вот...

Цветы! Желтые розы, обернутые хрустящим целлофаном.

— Поклонник завелся, — мечтательно улыбнулась во весь рот, заполненный ровными искусственными зубами пожилая вахтерша.

Завелся... как вши, что ли? А что еще заводится? Сашу насмешило выражение вахтерши, хотя оно известно давным-давно, но применительно к себе не воспринималось. Ну, пусть завелся... да, поклонник. Наверное. Нет, в самом деле, кто-то присылает цветы уже третий раз с тех пор, как труппа вышла из отпуска, то есть с августа. Именно в конце августа она получила первый букет, в сентябре второй, и вот октябрь. Саша не спросила — от кого, потому что знала ответ: приехал доставщик из цветочной фирмы «Флора&Букет», а он не в курсе, кто делал заказ и когда, он просто развозит по адресам.

Однако сегодня букет не безмянный, в цветах виднелась фирменная карточка! Неужели этот самый, который завелся, оставил свой автограф и представился? Саша прочла: «Это тебе для настроения перед премьерой».

Не-а, подписи нет. Да и какая разница, кто присылает цветы? Не женщина же! А с мужчинами, даже с самыми-пресамыми, заводить знакомства Саша не планирует в ближайшем будущем, теперь ее путь — театральная аскеза. Звучит пафосно, только лучше-то не скажешь. Но приятно. Ой как приятно быть кумиром, иметь по-